

Т. Н. Кандаурова

ПОЛНОГЛАСНАЯ И НЕПОЛНОГЛАСНАЯ ЛЕКСИКА В ПРЯМОЙ РЕЧИ ЛЕТОПИСИ

Насыщенность повествования прямой речью является специфической чертой древнерусских литературных памятников, не имеющей соответствия ни у византийских авторов, ни у авторов славянского юга; нет ей соответствия и в западноевропейских хрониках.

Считается чуть ли не общепризнанным, что широкое использование прямой речи «не может быть объяснено только тем, что древнерусской литературе в целом была более свойственна прямая речь, чем косвенная, и что синтаксис русского языка XI—XII вв. не выработал еще всех форм косвенной речи»¹.

В настоящее время это широкое использование прямой речи в произведениях древнерусской литературы расценивается исследователями как специфическая черта художественного метода средневековых книжников². В частности, не просто насыщенными прямой речью, но по существу даже драматизированными были почти все притчи и сказания (повести) Кирилла Туровского, выдающегося писателя и оратора XII в.³ Замену русским переводчиком Истории иудейской войны Иосифа Флавия косвенной речью оригинала на прямую исследователи расценивают как одно из проявлений его «незаурядного мастерства»⁴.

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 114.

² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 218; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 114; Он же. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 95; Н. А. Мещерский. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 80 и т. д.

³ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1956; Он же. Ораторское искусство Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962.

⁴ «Большая живость изложения достигается в переводе через почти всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой речью. Действия, о которых только сухо и кратко сообщается в под-

Ориентация на строгую фактографичность, присущая книжникам раннего средневековья, их стремление к предельной достоверности в воспроизведении описываемых событий имели своим следствием стремление к буквальному воспроизведению речей княжеских посольств, речей, которыми русские князья «подавали дерзость» своим воинам перед битвами, речей, произносившихся на вечевых собраниях, княжеских сменах и т. д.⁵

«Этим обстоятельством (стремлением к предельной достоверности — *Т. К.*) обуславливается особенная ценность показаний прямой речи летописи (по преимуществу той, которая записана летописцем, а не привнесена им из фольклора или из произведений житийных) для установления особенностей устной речи своего времени и ее культуры. . . По летописи главным образом мы можем судить об устной речи XI—XIII вв., именно летопись сберегла для нас многочисленные образцы устной речи XI—XIII вв.»⁶

Однако, как утверждают литературоведы-медиевисты, для древнерусских авторов была характерна «двусторонняя природа творческого метода», «два основных способа изображения жизни». «Первый ставил своей задачей с наибольшей достоверностью воспроизвести единичные факты действительности», «второй — отражал не действительность, а порожденные ею идеалы»⁷. Иначе говоря, стремясь, с одной стороны, к предельной фактографичности, летописец в то же время «ставил себе и публицистические задачи: на примерах древних русских князей он стремился исправить новых», а отсюда появление в ряде случаев «олитературенных» речей «идеальных героев», явившихся плодом

линии, в переводе тоже часто сопровождаются речами действующих лиц (разрядка моя. — *Т. К.*). При этом речи обычно кратки, энергичны, эмоционально насыщены. По стилю они очень напоминают речи героев русских летописей. Благодаря такому оживлению повествования читатель не только может ярко представить действия изображаемых людей, но и слышать их говорящими» (*Н. А. Мещерский*. Указ. соч., стр. 82). Интересно отметить, что, в отличие от переводчика Истории иудейской войны, переводчик Хроники Георгия Амартола весьма редко прибегал к замене косвенной речи своего оригинала на прямую (см.: *В. М. Истрин*. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I. Пг., 1920, стр. 218).

⁵ Подробнее о том, «каким образом летописец мог относительно верно знать речи, которым он не был послухом, и почему именно русские летописцы так единодушно добросовестно относились к прямой речи, стремясь к дословному ее воспроизведению», см.: *Д. С. Лихачев*. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 114, 115—131; *Он же*. О летописном периоде русской историографии. «Вопросы истории», 1948, № 9, стр. 28—34; *Он же*. Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, стр. 42—43; *М. К. Каргер*. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 59—72 и т. д.

⁶ *Д. С. Лихачев*. Возникновение русской литературы, стр. 94, 96.

⁷ *И. П. Еремин*. О художественной специфике древнерусской литературы. «Русская литература». Л., 1958, № 1, стр. 75.

вымысла, литературой в собственном смысле слова⁸. Тем не менее «чисто литературные функции прямой речи», употребленной, скажем, для оживления действия, для характеристики действующего лица, для раскрытия его намерений... для «оживления» повествования или его «торможения» и т. п., были неизвестны летописцам до конца XV в.⁹

Наши наблюдения над прямой речью, включенной в текст летописи, будут вестись в плане выявления того, в какой мере проникала в живую речь, точнее, видимо, в койне или даже культурный диалект соответствующего времени (речь идет о периоде XI—XIII вв.), церковнославянская языковая стихия, какой характер носило взаимодействие собственно восточнославянских и книжных церковнославянских элементов в «речах», действительно, по-видимому, имевших место. Не ставя своей задачей дать полный анализ лексики, включаемой летописцами в прямую речь, мы ограничим свои наблюдения анализом только полногласной и неполногласной лексики.

Основным объектом наблюдения явятся для нас Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, и в первую очередь текст Повести временных лет (за вычетом включенных в Лаврентьевскую летопись «произведений Мономаха»). По мере необходимости будут привлекаться данные также и других памятников XI—XIV вв.¹⁰

Поскольку воспроизводимая летописцем прямая речь (повторяем, что имеются в виду те случаи, когда летописец стремился воспроизвести «реальные речи», а не «условные речи», влагаемые им в уста «идеальных героев») дает некоторый, пусть незначительный и требующий дальнейших корректив, но тем не менее единственно возможный материал для суждения об особенностях живой речи соответствующего времени, мы, по мере возможности, попытаемся сравнить (в интересующем нас плане) встречающиеся

⁸ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 68.

⁹ Это, конечно, не снимает возможности того, что в других случаях — не в летописных текстах — древнерусские книжники использовали включение прямой речи в ткань произведения именно для «оживления» повествования, придания ему большей эмоциональности. Возможно, что умение разнообразить повествование включением в него прямой речи, то в форме монолога, то диалога, было даже известным показателем искусности книжника. Ср. свидетельства исследователей языка переводных произведений «до-монгольского периода» (по терминологии А. И. Соболевского), повествовательную манеру Кирилла Туровского, Нестора, Климента Смолятича и др.

¹⁰ Изборник Святослава 1076 г., Сказание о Борисе и Глебе, Сказание о чудесах Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника XII в., Житие Бориса и Глеба и Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику XIV в., Слово о полку Игореве, Задонщина, Новгородская Кормчая 1282 г., Вопрошение Изяслава князя игумена Феодосия, Хроника Георгия Амартола, Пандекты Никона Черногорца и т. д. При примерах из летописи будет указываться соответствующий год, при примерах из других памятников — листы рукописи. Список сокращений см. в конце книги.

в летописи «речи» князей, духовенства и представителей народа ¹¹; «речи», вкладываемые в уста «людей русских», и «речи» греков, половцев и т. п.

Может, по всей вероятности, возникнуть сомнение, насколько вообще правомерно ставить вопрос о возможности дифференцированного воспроизведения прямой речи, с одной стороны, допустим, князей (т. е. лиц, испытывавших какое-то влияние книжной учености) и, с другой стороны, представителей народа (речь которого могла лишь в совершенно минимальной степени испытывать это влияние), т. е. имеем ли мы основание утверждать, что — применительно к условиям раннего средневековья, к условиям значительного различия книжно-письменного и разговорного языков — древнерусский книжник не только осознавал, но даже соответственно воспроизводил различие в речи, допустим, князя и горожанина, горожанина и крестьянина, русина и грека и т. п.?

О том, что летописец, повествуя о тех или иных событиях, не был безразличным к характеру воспроизводимых «речей», отчетливо осознавал различия в «речах» описываемых им людей и старался в какой-то мере сохранять эти различия, свидетельствуют наблюдения над языковыми фактами, даже не столь резко противопоставленными, как, например, интересующая нас полногласная и неполногласная лексика.

Наиболее убедительными, наиболее доказательными в этом плане могли бы явиться для нас лишь такие примеры, в которых в непосредственной близости (например, в рамках следующих друг за другом предложений, связанных между собой по смыслу) один и тот же предмет, явление и т. п. назывались бы различными, явно маркированными словами ¹², а характер обнаруживаемой соотносительности речевых фактов с носителями речи соответствовал бы априорным представлениям о том, чем могла бы различаться их речь. Только такие примеры могли бы свидетельствовать о том, что летописец или действительно с возможной точностью воспроизводил некогда произнесенные речи или, воспроизводя их приблизительно, учитывал те возможные особенности речи, которые должны были бы быть у представителя данного культурного слоя ¹³.

¹¹ Противопоставление «князь — народ» существенно для нас, естественно, не в социальном, а условном, культурном плане, т. е. мы исходим из того, что речь князя, вероятнее всего, должна была носить следы знакомства с книжной культурой, речь же народа могла лишь в минимальной степени испытывать книжное влияние и была близкой к живому говору горожан, княжеских дружинников и т. п., которых мы и объединяем под условным наименованием «народ».

¹² Маркированность при этом могла быть не только функционально-стилистическая.

¹³ Ср. соответственно: «В летописи прямая речь постоянно соответствует традициям устной речи, а не письменной — вне зависимости от того,

К числу примеров, позволяющих говорить о наличии следов известной языковой дифференциации в присутствующих в летописи «речах», мы относим, например, читающийся в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку под годом 944: *пиде на греки въ лодыа(х) и на конихъ. . . се слышавше курсунци послаша к раману глице. се иде русь вь числа корабль. . . (лодыа — слово древнерусского языка, корабль — через посредство греческого)*¹⁴. Или же, например, читающийся там же под 1093 г. в описании людей, угоняемых половцами в плен: *нази ходацие и виси. ногы имущие свободны тернье(м). со слезами вѣщеваху другъ къ другу глице. азъ вѣхъ сего города и други. а изъкъ сви вси (азъ — форма книжная, в речи горожанина, изъ — народная, восточнославянская, в речи негорожанина).*

Другой ряд фактов, позволяющих говорить о наличии следов языковой дифференциации в летописных «речах», составят примеры фиксации того или другого слова, допустим, только в речи представителей народа. Например, в значении 'перестать жить' как в повествовании от автора, так и в «речах» князей и духовенства встречаются формы только от глаголов *умьрѣти, изъмерети, умираати*¹⁵, но ни разу не зафиксированы формы от глагола *помьрѣти*. Формы от глагола *помьрѣти* представлены только в «речах» представителей народа (наряду с формами от глагола *умьрѣти*). Например, в Повести о белгородском киселе в «речах» народа мы встречаем исключительно формы от глагола *помьрѣти*: *и створиша вѣче в городѣ и рѣша. се оуже хочемъ померети ѿ гладда. . . да луче ли ны померети. . . оуже помирае(м) ѿ гладда 997.*

Подобная дифференциация в употреблении глаголов, означающих прекращение жизни, и дает нам основание предполагать, что глаголы *помьрѣти—помираати* воспринимались как факт «просторечия», как факт, характеризующий только речь «про-

передает ли она действительно произнесенные речи или только те, которые, по предположениям летописца, должны были быть произнесены» (Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 96).

¹⁴ Подчеркнем еще раз, что в плане поставленной нами задачи неважно, сколько раз оказывается употребленным в тексте летописи слово *лодыа* или слово *корабль* само по себе. Интерес могут представлять лишь те примеры, в которых эти слова оказывались употребленными в непосредственной близости друг к другу и были соотнесены с различными носителями речи.

¹⁵ Ср. в П. в. л.: *чего ми оумрети (Олег) 912; а вы хочете изъмерети гладомъ (Ольга) 946; лучи бы ми сде оумрети (Анна) 988; луче бы ми оумрети съ братомъ. . . оумерлъ бы(х) с тобою (Глеб) 1015; ИП.: оумремъ ч(с)тно за стою Бофию (Изяслав) 1150, будетъ достоннъ своимъ оружнемъ оумрѣти (ДОГОВОР 945) и т. д.*

стого» народа, и именно поэтому они отсутствуют и в речи летописца и в речах других книжно-образованных людей¹⁶.

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить, но, как нам кажется, наша цель — показать, что отмечаемые в летописи «речи» представителей различных слоев населения не выдержаны в одном языковом ключе — нами достигнута, а объем статьи делает нежелательным дальнейшее увеличение числа примеров. Иначе говоря, мы считаем, что приведенные выше примеры оправдывают в какой-то мере наше стремление рассматривать полногласную и неполногласную лексику прямой речи летописи, беря ее не только в целом, но и прослеживая отдельно, в «речах» представителей каких слоев населения она фиксируется.

Обратимся к нашему непосредственному материалу. Упоминания о том, что слова с полногласиями приходятся на вводимую в ткань повествования прямую речь, уже встречались в литературе предмета¹⁷. Подтвердить правильность подобного впечатления, неизбежно складывающегося при непосредственном обращении к оригинальным древнерусским текстам, можно было бы, конечно, и путем простого количественного подсчета полногласных и неполногласных слов в прямой речи и речи от автора.

Однако, несмотря на кажущуюся наглядность такого сопоставления, оно было бы возможно только по отношению к сумме полногласных и неполногласных слов в целом. Прямая речь и речь от автора являлись в летописи величинами, по существу, несоотносимыми: употребление полногласных, и тем более неполногласных, слов было обусловлено не только предметом повествования, но зачастую являлось неизбежным следствием использования соответствующих словосочетаний-штампов (словосочетаний-клише), почти обязательных для речи от автора. Требования литературного этикета¹⁸ (речь, конечно, идет не о простых погодных записях) обязывали автора прибегать к развернутым сравнениям, а в некоторых случаях и к пространным библейским реминисценциям, которые в свою

¹⁶ Интересно отметить, что в Ип. во втором примере читается не *померети*, а *умрети*: да луче ли ны оумрети. — Проявилось ли в данном случае стремление избежать трехкратного повторения одного и того же глагола или вообще стремление «улучшить» язык, мы сказать затрудняемся.

¹⁷ A. P a s c h e n. Die Semasiologische und stilistische Funktion der *trat* || *torot*-Alternativen in der altrussischen Literatursprache. Heidelberg, 1933. Замечания о частых случаях употребления полногласного предлога *перед* именно в составе прямой речи находим: И. С. У л у х а н о в. Предлоги *предъ* — *передъ* в русском языке XI—XVII вв. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка». М., 1964, стр. 133—142.

¹⁸ Д. С. Л и х а ч е в. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961; О. В. Т в о р о г о в. Традиционные устойчивые сочетания. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962.

очередь вели к употреблению только неполногласных слов. Все это лишь в самой минимальной степени могло распространяться на реальную прямую речь. Поэтому соотношенность полногласных слов с прямой речью лучше можно показать, во-первых, на примере так называемых «варьированных наименований», а точнее, на тех из них, в которых один и тот же предмет назывался и в речи от автора и в воспроизводимой прямой речи, причем следует отметить как повторяющийся факт, что в подобных примерах полногласное слово будет отмечаться в прямой речи, а неполногласное — в речи от автора: и рече володимеръ: се не добро, еже малъ городъ около кнева ... и поча нарувати мужъ лучших от словень. и от кривичъ. и от чюдн. и от катичъ. и от сихъ насели грады 988; и другу моему опочивающую передъ пещерою ... и вложше и на вариманъткю вынесоша и предъ пещеру 1091; Б. Г.: стославъ же рече к бърнови: нѣчто ма на головѣ водеть... и видѣ нѣгъть стго и сѣна съ главы 21, и молаше стопляка да быша перенесли стаи мчка въ създаную цркъвь ... он же ... не хоташе ю пренести зане не самъ баше кѣ създакъ 25; Задон. К-Б сп.: вслакашася горко жены въ краснѣ градѣ москвѣ: ... уже наша слава пониче в славнѣ городѣ москвѣ 28 об. и т. д.¹⁹ Кроме того, о соотношенности полногласных слов именно с прямой речью убедительно свидетельствуют случаи однократного употребления в памятнике того или другого полногласного слова-варианта. При непосредственном обращении к тексту оказывается, что в подавляющем большинстве случаев этот единственный пример употребления в памятнике полногласного слова-варианта отмечается в составе прямой речи. Так, в П. в. л. падежные формы от неполногласного слова-варианта *врагъ* отмечены 26 раз, полногласное слово-вариант *ворогъ* — один раз в составе прямой речи: и посласта къ олгови глаголюща ... се оу товѣ ксть итларевич, любо оубни, любо и даи нама тъ ксть ворогъ нама и русьстѣи земли 1095; падежные формы от *время* отмечены 17 раз, полногласное слово-вариант *верема* — один раз в составе прямой речи: они же рекоша: не верема нынѣ погубити смерьды от рольи ...²⁰; *древо* отмечено 16 раз, а полногласное слово-вариант *дерево* — один раз, и опять-таки в составе прямой речи: и рече варягъ: не суть то бози ... не идать бо ни пють, ни молвать, но суть дѣлани руками в деревѣ 983 и т. д. В данном случае показателен даже не

¹⁹ Нужно заметить, что нами отмечены и совершенно единичные примеры обратного соотношения полногласных и неполногласных слов-вариантов (неполногласное — в прямой речи, полногласное — в речи от автора), допускающие, видимо, свои частные объяснения.

²⁰ Текст по Ип.

столько материал летописи, в которой полногласные слова-варианты фиксируются сравнительно часто, сколько памятников книжно-славянского типа, поскольку именно в них та или другая конкретная пара полногласного и неполногласного слов-вариантов чаще всего находилась в отношении 1 : X²¹, где X — величина больше единицы.

Факт соотнесенности полногласных слов с прямой речью совершенно очевиден, и мы ставили своей задачей лишь проиллюстрировать его фактическим материалом.

Поскольку факт соотнесенности полногласных слов с прямой речью может быть признан безусловным (как, впрочем, и других русизмов), представляется возможным поставить вопрос: совпадает ли круг полногласных слов, отмечаемых в «не условных», а может быть, даже действительно произнесенных «речах» князей и представителей народа, и однотипны ли по своему характеру эти полногласные слова?

Круг слов с полногласием, отмечаемых в «речах» князей, несколько больше, чем круг полногласных слов, отмечаемых в «речах» народа, что, конечно, обусловлено в первую очередь не только численным превосходством, но и более разнообразным содержанием княжеских речей. Так, в «речах» князей нами отмечено 21 слово с полногласием в корнях (некоторые из них оказывались повторенными по нескольку раз, например *городъ*, *волость* и др.) и лишь одно слово с начальным *пере-*.

Приведем соответствующий материал²²: *Ѡ берега* 988, *боротисѦ* 991, *волость*—земля, территория 1096 (2 раза), 1097 (4 раза), *воробьи* 946, *ворогъ* 1093, *вороти* 1096, *воротисѦ* 1097, *голова* 1097 (3 раза), *городъ* 988 1015 (2 раза), 1097 (5 раз), *дружину молотшю* 1097, *оборонили* 1096, *наволоки* 969, *паруси наволочиты* 907, *поити переди* 1097, *полонъ* 988, *порози* 988, *середа земли* 969, *в сорочкѣ* 1097, *сторона*—земля 1024, *схоронити*—спрятать, убрать 971 (2 раза), *холопы* 1100, *черес реку* 1093, а также *перееати болгары* 1097 и *перееа печаль* 1078²³.

В «речах» представителей народа отмечено 15 слов с полногласием в корнях и 6 слов с начальным *пере-*: *по тобѣ бороти* 1016, *володѣти* 862, *волость*—земля, территория 975, 1096, *злогловамъ* 988, *городъ* 968, 1093, 1097 (2 раза), *деревѣнными лѣжницами* 996, *колодникъ* 985, *осоромѣти тѦ* 1071, *наволоки* 944,

²¹ В некоторых памятниках подобное отношение может быть также обусловлено появлением полногласного слова при переходе со строки на строку, см. статью в настоящем сборнике: Т. Н. К а н д а у р о в а. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI—XIV вв.

²² Здесь и далее примеры воспроизводим в орфографии и формах текста летописи. Если слово оказывалось повторенным несколько раз, то даем исходную форму и указываем количество употреблений.

²³ Кроме того, в тексте под 955 г. в речи греческого царя имеем: *п(е)ре-клякала ма жси Ольга* — с надписанной поверх строки первой буквой *е*.

паруса паволочити 907, *сторона—берег* 1093, *в сторожьѣхъ* 968, *хоромовъ рубити* 1016, *черевѣ* 992, *черевѣ* 1016, а также *переворотѣ* 980, *перевеземъ* 1016, *передатисѣ* 997, *перемѣ* 988, *переступати, бесперестани* 1095.

Обращает на себя внимание заметное преобладание в «речах» представителей народа (по сравнению с «речами» князей) слов с начальным *пере-*. В свое время мы уже высказывали предположение о том, что слова с начальным *пере-* воспринимались, возможно, некоторыми древнерусскими книжниками как слова, несовместимые с книжным повествованием²⁴.

1. Слова с начальным *пере-* или вообще отсутствуют, или совершенно единичны даже в тех памятниках ранней письменности, в которых представлено какое-то количество полногласных слов: Житие Феодосия, Сказание о Борисе и Глебе, Слово о полку Игореве, Слово и Моление Даниила Заточника, Житие Александра Невского, Задонщина и т. п.; в Виленском списке Истории иудейской войны на 47 слов с полногласием приходится только 6 слов с начальным *пере-*.

2. В примерах на так называемые «варьированные наименования»²⁵ — факте литературной традиции — слова с начальным *пере-* вообще не зафиксированы²⁶. Написания с начальным *перечаще*, чем другие слова с полногласием, оказываются предметом разночтений (речь идет о различных списках одного и того же произведения), причем явственно выступает стремление писцов последующих списков устранить написания с начальным *пере-* даже при сохранении других слов с полногласием²⁷.

²⁴ Т. Н. К а н д а у р о в а. Лексика с полногласными сочетаниями в корнях в Успенском сборнике XII в. (на материале Сказаний о Борисе и Глебе). «МГПИ им. В. И. Ленина. Ученые записки», № 240, 1964.

²⁵ Т. е. в тех случаях, когда по отношению к одной и той же реалии в непосредственной близости употребляется то полногласное, то неполногласное слово-вариант.

²⁶ За исключением слов *пренесение—перенесение*. Существенно отметить, что колебания в словообразовании с начальными *пре-* — *пере-* фиксируются в памятниках XI—XIV вв. только в области глагольных форм, исключение составляют лишь существительное *пренесение—перенесение* и *перевозъ* (*перевозчикъ*)—*перевозъ* (*перевозчикъ*). Кроме того, в оригинальных и даже переводных текстах Н. Корм. отмечены еще неоднократно повторяющееся слово *переносъ* 'перенесение святых даров во время литургии', т. е. слово сугубо конфессионального значения, 462 об., 508 (2 раза) и *перетворение* 169; 614. В Изб. 1076 — *перевываниѣ* 60а и *перевыни* (последнее отмечается также в Хр. Г. Ам. 363). В Флав. Иуд. неоднократно отмечается *перескожъ*, *перескочникъ* V, 11, 2 и *перевѣтъ* I, 17, 1; в Хожд. Д. — *перельтъ* 29, 99, 104, 111. Но все эти словоупотребления, в отличие от названных выше, являлись фактами лишь отдельных памятников. В памятниках деловой письменности круг существительных с начальным *пере-* значительно шире, и соответствующие слова фиксируются не в одном, а в ряде близких по содержанию памятников (*перевѣтъ* или *перевѣсище*, или *перевѣсиѣ*, *перевѣмъ*, *пересудѣ* и т. д.).

²⁷ В летописной вставке, внесенной в Б. Г. Сильв., читающиеся в летописном тексте полногласные слова *перевеземъ* и *перевезедъ* заменены их не-

В этой связи представляется уже неслучайным, что отмечаемые в памятниках единичные примеры с начальным *пере-* фиксируются в абсолютном большинстве случаев в составе прямой речи. А дифференцированное наблюдение над «речами» князей и представителей народа в П. в. л. позволяет сделать и дальнейшее уточнение. Слова с начальным *пере-* (*перед-*) наблюдаются, оказывается, главным образом в «речах» представителей народа.

Последнее обстоятельство не только подтверждает мнение о том, что для древнерусских книжников слова с начальным *пере-* (*перед-*) были явно маркированными как слова «разговорные», неуместные в книжном повествовании²⁸, но, может быть, свидетельствует так же и о том, что слова с начальным *пере-* настолько явно воспринимались как заведомо «простые», сниженные, что были нежелательны даже в устной речи грамотных (книжных) людей своего времени.

Представляется вероятным, что мы имеем в данном случае возможность проследить на конкретном материале различие в устной речи представителей «городских классов» и представителей «образованных классов», как условно определил эти две разновидности речи А. А. Шахматов, и которые, видимо, должны соответствовать позднейшим представлениям о койне и культурном диалекте. Еще в 1916 г. Шахматов писал: «...возможно, что в Киеве рядом с говором господствующих классов²⁹ (койне), отражавшим особенности нескольких русских живых говоров, складывался язык образованных классов, язык местного духовенства и других книжных людей: в основании своем — это был язык древнеболгарский, но древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду, усвоивший себе русское произношение иноязычных звуков и ассимилировавшийся живому русскому языку также в морфологическом и лексическом отношении. На этом языке и писали и говорили: говорило духовенство, совершая богослужение и обращаясь к народу с проповедью, говорили послы в торжественных речах, говорили так или иначе все вообще лица, прошедшие школы³⁰, основывавшиеся на Руси в XI веке».

полногласными вариантами (л. 99а), в то время как другие полногласные слова сохранены без изменения.

²⁸ В Волоколамском списке Флав. Иуд. из шести слов с начальным *пере-*, отмечающихся в Виленском списке, представлено только два (*перевѣтъство* и *перескокъ*), хотя в остальном характер употребления полногласных слов в этих списках совпадает. При таком отношении книжников к словам с начальным *пере-* становится понятным, почему переводчик Хроники Георгия Амартола, употребив слово *перевозъ*, счел необходимым сопроводить его глоссой: «перевоза рече порома» 518, появление которой вызвало в свое время недоумение В. М. Истрина (В. М. Истрин. Указ. соч., т. II, стр. 210).

²⁹ Рядом он называет его «языком городских классов».

³⁰ Разрядка А. А. Шахматова (А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916, стр. 82—83).

Представляется знаменательным, что в трудах Шахматова были уже поставлены те вопросы, которые явились предметом обсуждения и дискуссий на IV и V съездах славистов³¹.

Конечно, мы не вправе ставить знак равенства между языком, на котором «свершалось богослужение», и тем языком, на котором «говорили так или иначе все вообще лица, прошедшие школы» (как, впрочем, не ставил его в других работах и сам Шахматов). Между языком богослужения, проповеди, светских произведений и тем более языком устных форм общения разница столь ощутимая, что если даже понимать ее как разницу лишь количественную, определяемую разным соотношением книжных церковнославянских и живых восточнославянских элементов, все же подобное приравнение окажется неоправданным.

Даже отталкиваясь только от одного наблюдаемого нами языкового факта (употребления неполногласной и полногласной лексики), мы можем выделить, с одной стороны, литургические тексты, не допускающие как правило употребления полногласных слов, с другой стороны, произведения светского характера, в большинстве своем характеризующиеся сосуществованием неполногласных (немаркированных) и полногласных (маркированных) слов-вариантов³², и противопоставить те и другие летописным «речам», в которых сосуществование полногласных и неполногласных слов имело качественно иной характер.

Наблюдения над включенными в летопись «речами» позволяют, видимо, выделить также некоторое количество устойчивых словосочетаний-штампов, так называемых словесных формул (имеющих в отдельных случаях терминологическое значение), для которых были фиксированными именно слова с полногласием в корне. Эти словосочетания, отражавшие особенности средневекового уклада жизни и отношений, были фактами живой речи (поэтому они и фиксируются с восточнославянскими полногласными словами) и из нее попали в язык письменности, в письменнo-литературный язык своего времени, т. е. данные словосочетания оказываются представленными не только в «речах», но и в ав-

³¹ См. выступления на IV съезде славистов Я. Белича, С. Б. Бернштейна, Б. Гавранека, Паулини, К. Р. Шмидта (Дания) и др. («IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II. М., 1964).

³² Между литургическими памятниками, с одной стороны, и чисто светскими, с другой стороны, располагались произведения многочисленных промежуточных жанров: повести о чудесах, жития, имевшие переходный характер между воинской повестью и собственно житием, как, например, Житие Александра Невского, и т. п. См.: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; В. И. М а н с и к к а. Житие Александра Невского. СПб., 1913; Д. С. Л и х а ч е в. Система литературных жанров древней Руси. «Славянские литературы. V Международный съезд славистов». М., 1963; О н ж е. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. «Русская литература». Л., 1958, № 2.

торском повествовании, и не только в летописи, но и в других произведениях светского характера. К числу их относятся: (при-)ити в сторожьхъ, (по-)ити переди, дружина молотъшаа, закати волость, съдъти в волости, (от-)ити в волость, блюсти голову, сложити голову (возможно также главу), хормовъ рубити (строительная повинность крестьян) и т. п.

И последнее замечание, касающееся употребления полногласных слов в «речах» духовенства. В П.в.л. «речи» (обычно монологи) представителей духовенства, святых, угодников церкви и т. п., как и вообще «речи» идеальных героев, подчинялись определенному этикету, изобиловали сравнениями, эпитетами, включали в себя библейские реминисценции, т. е. были элементами собственно литературного повествования, испытывавшими максимальное влияние церковнославянской литературной традиции. В них нет места полногласным словам. Единственный пример полногласного слова отмечен нами в «речи» Феодосия Печерского: в ночь похороните тѣло мок 1074³³.

Выше мы упоминали, что в тех примерах варьированных наименований, в которых один и тот же предмет или явление упоминается то в прямой речи, то в речи от автора, повторяющимся фактом было употребление в прямой речи полногласного слова-варианта, в речи от автора — неполногласного. При этом мы оговорили, что нами было отмечено всего только четыре случая обратной соотношенности: неполногласное слово-вариант в прямой речи, полногласное — в речи от автора. Заслуживает, видимо, внимания, что в двух из этих примеров неполногласные слова-варианты отмечались как раз в речи представителей духовенства. Ж.Ф.: великий никонъ обѣщася кму гла: якоже тѣкмо дошдѣ тамо и тоу лвикъ възвращоу-са въспать . . . и оному съдѣшю на столѣ въ градѣ томъ. никонъ же въворотиса въспать; П.в.л.: оно ти съдѣти вранъ чернии иди ими и. он же поклонивъсѣ кму до землѣ шедъ и ворона и принесѣ 1074³⁴.

С другой стороны, в Б. Г. и особенно в Ж. Ф. немногочисленные примеры употребления полногласных слов отмечаются в равной мере и в «речах» светских людей (Святослава, боярина, возницы) и в «речах» монахов (Феодосия, монаха-вратаря, монаха-келаря), что, видимо, следует объяснять «реаль-

³³ Характерно, что в Ж. Ф. и в тексте Печ. Пат. последняя воля Феодосия выглядит, конечно, иначе: и о семьже молю вы и заклинаю. да въ нѣмже юсма одежи нынѣ въ тон да положите ма тако въ пещерѣ ндеже постыныи дни прѣбываахъ. ни же шмыванте оубогаго моего тѣла. . . и т. д. 63.

³⁴ Ср. аналогичный пример в Хр. Г. Ам.: юлиномъ къ стому ругающесѣ: рци нам. злыи старче. что грачють ворони. стын же къ нимъ отвѣщавъ рече: врани гласать кра, кра, кра же асуринскимъ гласомъ 349.

ным», бытовым характером соответствующих речей. Ср. Б. Г.: *стославъ рече къ вьрнови нѣчто ма на головѣ водеть* 21—22; и *моладше стоплъка да быша перенесли стаа мчка въ съзк-даную црквь* 24; Ж. Ф.: *возии ... гла кмоу чьрноризьче се бо ты по вса дни порозднъ кси* 43; *пыташе* (Феодосий. — Т. К.) и. *еда кѣто къ воротомъ приходи въ сию ноць* 45; *онъ же* (монах-вратарь. — Т. К.) *съ клятвою извѣщася яко и еше свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ и толѣ нѣсмь их Ѡврьзалъ* 45; *инъ боларинъ ... гла аще възрацюса съдравъ въ домъ свои то дамъ стѣи вци въ монастырь блаженааго Феодосиа Ѡ гри-внѣ золота* 47; *Ѡвѣра онъ ки* (монах-келарь Феодосию и Изяславу. — Т. К.). *оче ... опроторилъ таковыи съсоудъ тьцик и ниць положиаъ* 53.

Обратимся теперь к неполногласной лексике, отмечаемой в «речах» летописи.

Различие в «речах» князей и народа с точки зрения количества в них неполногласных слов будет, безусловно, даже более значительным, чем для полногласных слов. Если применительно к полногласным словам это отношение равнялось 21 : 15 (и 1 : 6 для слов с начальным *пере-*), то в случае неполногласных слов оно изменится на 20³⁵ : 12 (и 5 : 5 для слов с начальным *пре-*).

В «речах» князей нами отмечены следующие неполногласные слова: *брашно* 1103, *владыко* 955, *власть* 'территория, господство' 1015, 1093, 1097, 1100, *возвращюся* 945, *врагъ* 'дьявол, противник' 1015, 1086, 1097 (2 раза), 1103 (3 раза), 1107, *стыи вражи* 1086, *глава* 'жизнь' 971, 1015, 1078 (3 раза), 1103 (2 раза), *глаголати* 1015, 1071, *гладъ* 946, 1024, *градъ* 882, 946 (5 раз), 971, 980, 988 (2 раза), 996, 1069, 1096, 1097 (5 раз), *пре(д) людьми градъскымы* 1096, *злато* 969, 996, *зракъ* 1097, *не посраимъ* 971, *предъ* 946, 971, 1015, 1097, *преже* 988, 1093, *не сдравити* 1015, 1103, *срамъ* 971 (2 раза), *страна* 'территория' 1068, *схранена буду* 955, *теребите путь* 1014.

В «речах» народа имеем соответственно: *брашна* 1093, *врата* 1097, *враг* 'противник' 1097, *глава* 'жизнь' 1102 (2 раза), *глагола* 1097, *гладъ* 997 (3 раза), 1097 (2 раза), *градъ* 862, 980 (2 раза), 1069 (2 раза), 1097 (2 раза), *злато* 944, *обраниши* 968, *предъ бгомъ* 1097, *страна* 'земля, берег' 948, 968 (3 раза), 1096, 1114, *храборствомъ* 1097.

³⁵ Мы оставляем в стороне лексику заведомо литературно-вымышленных «речей» вроде монологов Бориса и Глеба отмечаемой под 1018 г. «речи» Ярослава к своим небесным заступникам или возможной «речи» Ярослава к сыну Всеволоду под 1093 г. и т. п.

Количественное различие стало бы еще более ощутимым, если бы мы учитывали не только количество слов, но и частоту их употребления. Так, слово *градъ* встретилось в «речах» князей 19 раз, в «речах» народа — 5; слово *врагъ* в «речах» князей — 9, в «речах» народа — 1; *глава* в «речах» князей — 6, народа — 3 и т. д.

Из слов с начальным *пре-* в «речах» князей представлены: *престоль* 1071, *пречистая богородица* 988, 1022, *пробывати* 1107, *прельстити* 971, 1071, *не преступати роты* 1103; в «речах» народа: *предати* 980, *предатисѧ* 948, 968, 1097 (2 раза), *преиду* 968, *престоати* 997, *преторже* 992.

Заслуживает внимания сам факт наличия неполногласных слов в «речах» представителей народа, «речах», которые, как утверждают текстологи и литературоведы-медиевисты, не являлись плодом литературного творчества книжников-летописцев, а представляли собой бережное воспроизведение действительно сказанных слов, сохраненных устным преданием или погодной записью. Об особо бережном отношении летописцев (редакторов, писцов) к воспроизводимой ими прямой речи свидетельствует, между прочим, и тот факт, что число лексических разночтений, приходящихся на летописные «речи», несравнимо меньше числа разночтений, приходящихся на авторское повествование. Показательно в этом отношении сопоставление текста Повести временных лет по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям: значительно различаясь количеством полногласных слов в текстах от автора (как известно, в Ипатьевской летописи их заметно больше, чем в Лаврентьевской), применительно к «речам» они дают совершенно минимальное количество разночтений.

Но даже если какое-то количество неполногласных слов мы все же воспримем как результат «олитературирования» летописцем соответствующих «простых речей», все же полностью отказаться от факта наличия неполногласных слов в «речах» представителей народа мы не сможем. В объяснение данного обстоятельства снова сошлемся на высказывания А. А. Шахматова: «несомненно по соображениям априорным, что в Киеве выработалась своеобразная койне, отличная от говора сельских жителей . . . земли полян . . . Несомненно также, что этот столичный центральный говор раньше других говоров воспринял в себя ряд иноязычных элементов, заимствуя их как из греческой, так в особенности из болгарской среды»³⁶. Продолжая далее мысль Шахматова, следовало бы предположить, что какое-то количество неполногласных слов могло проникнуть в древне-киевское койне даже и помимо обычного русла чисто книжного влияния.

Наличие большего количества неполногласных слов в «речах» князей по сравнению с количеством их в «речах» представителей народа уже не может быть объяснено причинами объективного характера (что было вполне оправдано в случае полногласных слов), например численным превосходством и более разнообразным содержанием княжеских «речей». Основная причина количественного различия в употреблении неполногласных

³⁶ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 80.

слов — отражение разной степени книжного и вообще иноязычного влияния на речь различных слоев населения. «Древнеболгарский язык был усвоен образованными слоями Киева уже в X в. Официальное принятие христианства усилило культурное влияние Болгарии и еще более содействовало приобретению болгарским языком значения языка киевской интеллигенции»³⁷.

Определяющим было, конечно, не воздействие болгарского языка как такового, а влияние старославянской письменности, влияние церковнославянского языка — языка средневековой книжности и культуры, основным проводником которых явилась для Руси Болгария³⁸ (причем на русской почве «должны были стереться и реорганизоваться те исторические, народно-диалектные и стилистические различия, которые ощущались в старославянском книжном языке X—XI вв.»)³⁹.

Считая, что старославянскому языку принадлежала ведущая роль в формировании древнерусского письменно-литературного языка, мы, однако, еще раз подчеркиваем, что даже с точки зрения исследуемого нами языкового факта (употребление полногласной и неполногласной лексики) мы имеем все основания утверждать, что древнерусский письменно-литературный язык не был вместе с тем языком древнеболгарским, а представлял собой органическое соединение, подвижное сосуществование живых собственно восточнославянских и книжных церковнославянских («древнеболгарских») элементов. Причем это соединение, сосуществование языковых элементов, хотя и поступавших из разных источников, но всегда генетически близких, а иногда даже тождественных, характеризовало — с разным количественным отношением составляющих его частей — не только средневековый древнерусский письменно-литературный язык (и определяло его типы), но, видимо, в какой-то степени и живое древнекиевское койне.

В плане выяснения степени ассимиляции церковнославянских элементов в языке различных культурных слоев населения безусловный интерес представляет уточнение того, какие из неполногласных слов фиксируются, с одной стороны, в «речах» князей, с другой — в «речах» представителей народа.

Обращает на себя внимание, что большинство слов с неполногласием, отмечаемых в «речах» князей, представлено с неполно-

³⁷ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 81.

³⁸ Несколько иначе представляли роль Болгарии П. А. Лавров, Н. К. Никольский, В. М. Истрин и нек. др. См.: П. А. Лавров. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. «Slavia», 1925, т. IV, вып. 3; Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1. М., 1930 и т. д.

³⁹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 44. Там же см. исчерпывающий анализ соответствующих положений А. А. Шахматова.

гласными сочетаниями также и в «речах» представителей народа: *брашно, врагъ, глава, глаголати*⁴⁰, *гладъ, градъ, злато, предъ, страна* (в «речах» народа названные слова составят 80% от общего количества наблюдающихся в них неполногласных слов). Это обстоятельство не может быть, конечно, объяснено только однопредметностью соответствующих «речей». Видимо, оно явилось следствием того, что в живой речи (в киевском койне) употребление данных неполногласных слов было обычным, привычным.

Далее заслуживает внимания, что некоторые из названных слов, а именно *глава—голова, гладъ—голодъ, градъ—городъ, злато—золото, страна—сторона* (в значении 'край, бок, берег') встречаются в летописных «речах» и с полногласными и неполногласными сочетаниями в корнях, причем это касается не только «речей», но и повествования от автора⁴¹. При обращении к текстам других оригинальных произведений XI—XIV вв. (или переводов с греческого на древнерусский язык) окажется, что именно эти слова наиболее часто фиксируются с полногласными сочетаниями в корнях⁴². Названные слова, будучи все многозначными, относились к числу слов с наибольшими дистрибутивными возможностями по сравнению с другими полногласными словами и характеризовались максимальной частотностью употребления в памятниках различных жанров. Возможно предположить, что их более свободное употребление (по сравнению с употреблением других полногласных слов-вариантов) было вызвано, в частности, и тем, что не только полногласное, но в какой-то мере и неполногласное слово было фактом живой речи и, следовательно, обычная стилистическая маркированность: полногласное слово—разговорное, неполногласное—нейтральное для любого стиля книжно-литературного повествования (и в ряде случаев могущее быть разговорным для определенного слоя на-

⁴⁰ Хотя глагол *глаголати* и отмечен в «речи» народа, однако употреблен он по отношению к словам князя: и рѣше воляре и людѣе. . . аще неправо гла дядѣ да приметъ мечь Ш ба и Шѣтчаю(т) пре(д) емь 1097.

⁴¹ К числу слов-вариантов, хотя и не встретившихся в составе «речей», но вообще широко представленных в памятниках даже книжно-славянского типа языка, относятся, безусловно, также *полонъ, полонити* и производные от них. Ср. Книга Иисуса Навина VIII: *полонъ скота да пльниша себѣ* 2; Изб. 1073: *предани быша пррци въ полонъ* 63, *полоня* 81, *въ полонъ* 71, *полонимъ* 69, *полоненъ* 264 и т. д.; Печ. Пат.: *въ полонъ сыи окованъ держимъ баше*; Поучен. V Серап.: *снове и дщери ваша в поруганье быша и въ полонъ* и т. д.

⁴² Полногласные слова-варианты *голова, городъ, голодъ, золото, полонъ, сторона* (в значении 'край, бок, берег') отмечены нами в Сказании о Борисе и Глебе и Повести о чудесах Бориса и Глеба по списку Успенского собора и Сильвестровскому списку, в Житии Феодосия Печерского, Изборниках 1073 г. и 1076 г., Печерском Патерике, Житии Александра Невского, Слове о погибели Русской земли, Слове о начале Русской земли, произведениях Новгородской Кормчей 1282 г., Поучении святых отец крестьяномъ, Хронике Георгия Амартола, Истории иудейской войны и т. д.

селения) — оказывалась более сглаженной, чем у других неполногласных и полногласных слов-вариантов.

О сглаженной стилистической маркированности подобных полногласных и неполногласных слов-вариантов⁴³ свидетельствует, видимо, и то обстоятельство, что в словосочетании-штампе, имеющем значение 'отдать жизнь за кого-нибудь (что-нибудь)', одинаково возможными оказывались как неполногласное, так и полногласное слова-варианты *глава—голова: сложить (положить) главу и сложити (положити) голову*⁴⁴. Подобные замены внутри словосочетаний-штампов были вообще не характерны (за исключением некоторых словосочетаний-штампов со словами *градъ—городъ* и *злато—золото*): фиксированным для них было всегда какое-то одно из слов-вариантов — или только неполногласное слово (в абсолютном большинстве случаев), или (в единичных случаях) только полногласное слово.

Что касается неполногласного слова *брашно*, то наличие его в «речах» и князей и народа следует, по всей вероятности, объяснять осознающейся семантической дифференциацией слов *брашно—борошно*, при которой за *брашно* закреплялось значение 'еда, пища вообще', за *борошно* — 'похлебка из муки'. Остальные неполногласные слова, отмечающиеся в «речах» князей, вообще не имеют соответствия в «речах» представителей народа.

Ограничимся отдельными замечаниями по поводу некоторых неполногласных слов, представленных только в «речах» князей. Полногласное слово *волость* в значении 'территория, земля' отмечалось по нескольку раз в «речах» и князей и народа. Неполногласное слово *власть* фиксируется только в княжеских «речах», и при этом в обоих своих семантических вариантах (*власть* 'земля, территория' и *власть* 'господство, владычество'). Таким образом, лексико-семантическое значение 'земля, территория' выражается в «речах» князей словами-вариантами *волость—власть*, в «речах» народа — только полногласным словом *волость*.

В соответствии с отмеченным в княжеских «речах» глаголом *посрамить* в «речах» представителей народа мы имеем в том же значении глагол *осоромить*⁴⁵.

⁴³ Ср. наблюдения В. М. Истрина относительно функциональной близости некоторых неполногласных и полногласных слов-вариантов в переводе Хроники Георгия Амартола: «Язык перевода был обыкновенным литературным церковнославянским языком, где такие слова, как *градъ, врагъ, вранъ, плънь* и т. п., употреблялись с полным равноправием, как и соответствующие слова в русской полногласной форме» (разрядка наша. — Т. К.). — В. М. Истрин. Указ. соч., т. II, стр. 278.

⁴⁴ Или в значении отданной жизни: *лежить глава (голова), лежатъ главами (головами)* и т. д.

⁴⁵ И рече стославъ: . . . да не посрамимъ земакъ рускѣи 971 и реча змѣ отроци юго не ходи безъ оружья осоромать тѣ 1071. Ср. также Б. Г. Сильв.: да посрамляются нищѣ дѣша мѣста 25; или Изб. 1076: и вѣси иже на ны тоу авни осрамлятьсѣ 67 об.; Панд. Н. Ч.: прѣдъ вѣсми юго осрамити 35. и т. д.

Круг слов с начальным *пре-* в «речах» князей и народа не совпадает. В «речах» князей с начальным *пре-* представлены слова, образованные не только от глагольных, но и от именных основ (*престоль, пречистая*), в «речах» народа — только от глагольных основ (последнее мы ставим в зависимость от содержания соответствующих «речей»).

Многократно повторенный глагол со значением 'отдаться в чью-нибудь власть' отмечается в «речах» народа как с начальным *пере-* — *передатиса*, так и с начальным *пре-* — *предатиса* (без какой бы то ни было лексико-семантической дифференциации). Ср.: *слышахъ яко хочете сѧ передати печенѣго(м) . . . послушайте мене не передатисѧ за .г. дни 997, или предати(с) хотать людѣ печенѣгомъ 968, выдан кого ти хота(т) аще ли то предаемысѧ 1097, хота(т) сѧ людѣ предати не могуще глада терпѣти 1097.*

Заслуживает внимания характер соотношения слов с начальными *пере-*, *пре-* в «речах» князей и народа. Если в количественном отношении слова с начальным *пере-* относились, как отмечалось выше, как 1 : 6, то для слов с начальным *пре-* это отношение изменится до 6 : 6. А это лишний раз подтверждает нашу мысль, что слова с начальным *пере-* воспринимались как слова чисто разговорные, «простые» (в дальнейшем определяемые как «низкие») ⁴⁶, настолько просторечные, что книжники-летописцы, вообще терпимо относившиеся к употреблению полногласных слов-вариантов, слова с начальным *пере-*, видимо, сознательно избегали ⁴⁷ (может быть, это было связано только с письменно-литературной традицией Киева и не распространялось на Новгород? Ср. обилие слов с начальными *пере-* в Новгородских и Псковских летописях, оригинальных текстах Новгородской Кормчей 1282 г., некоторых частях Ипатьевской летописи и т. д.).

Расширение объема привлекаемого материала, т. е. использование не только П. в. л., но и летописных текстов последующих лет, увеличило бы, конечно, общее количество отмечаемых в «речах» полногласных и неполногласных слов, но, видимо, не изменило бы характера намеченных выше отношений, а именно, что общее количество полногласных слов в «речах» князей и представителей народа более или менее одинаково. Круг же неполно-

⁴⁶ Слова с начальным *пере-* совершенно отсутствуют в ряде памятников ранней письменности (даже в тех, в которых полногласная лексика представлена достаточно широко). К их числу относятся Сл. п. Иг., Мол. Д. З., Ж. Ф., Ж. А. Н., Сл. пог. Р. з. и т. д. В Задон. по Синодальному списку и списку Исторического музея представлено по одному слову с начальным *пере-*: *за Дон перевезлися 219 об. и Володимеръ полки перебираетъ 39*. Единственное слово с начальным *пере-* представлено и в Сл. Д. З. — *стороника перетерлива 31* (в других списках *перетерлива*). В различных списках Хожд. Д. отмечается также единственное слово с начальным *пере-*: *перестръль* и т. д.

⁴⁷ Ср. отмечаемое в Панд. Н. Ч. по Ярославскому сп. *претеребовати* или дважды отмечаемое в Сл. п. Иг. *прегородиша 13, 15*.

гласных слов, отмечаемых в княжеских «речах», включает в себя неполногласные слова, встречающиеся в «речах народа, но сверх того характеризуется еще каким-то количеством неполногласных слов. Этим неполногласным словам, представленным в княжеских «речах», в «речах» народа соответствуют в одних случаях полногласные слова-варианты (в наших примерах к числу таких слов следует отнести *власть—волость* в значении 'территория'); в других — полногласные слова, близкие по значению (в наших примерах *посрамити—осоромити*); и, наконец, некоторые полногласные слова вообще фиксируются только в княжеских «речах» (в наших примерах *время, возвращюся, глаголати, зракъ, не сдравити* и т. д.).

Следствием большей зависимости княжеских «речей» от книжного влияния явилось наличие в них значительного количества книжных словосочетаний-штампов, для которых фиксированным, естественно, было книжное неполногласное слово: *сѣти вражьи* 1086, *врази(ги) наши* 1097, 1103, 1107⁴⁸, *кровь на главѣ* 1103, *скруши главы змиевыя* 1103, *сложити (положити) главу* 971, 1015, 1078, 1097, *голо(м) и моромъ* 1024, *изъмрѣти голодомъ* 946, *взати градъ* 988, *оступити в градѣ* 971, *ѿступити от града* 946, *погубити градъ* 1069, *поити в градъ* 946, *люди градьские* 1096, *старейшеи градъ* 1096, *прч(с)тата бце* 945, 988, 1022, *не преступати роты* 1103 и т. п.

Более неожиданным является наличие некоторого количества подобных словосочетаний-штампов в речах представителей народа: *ѿворити врата граду* 1097, *сложити главу* 917, 1102, *измерети голодомъ* 1097, *поити в градъ* 1069, *на полунощных странахъ* 1096, 1114, *предъ бгомъ* 1097.

Мы, конечно, затрудняемся сказать, ассимилировались ли эти словосочетания-штампы живой речью⁴⁹ в результате непосредственного книжного влияния или, что представляется более вероятным (особенно, если иметь в виду «речи» народа), в результате опосредованного влияния через богослужение, поучения отцов церкви и т. п.⁵⁰

Заслуживает внимания сам факт, что живая речь, точнее, древнекиевское койне, включала в себя не только какое-то количество неполногласных слов, но, видимо, и какое-то количество словосочетаний-штампов, для которых фиксированным было неполногласное слово. Уместно было бы даже предположить, что некоторые неполногласные слова перешли в живую речь

⁴⁸ В том смысле, что наши враги есть вместе с тем и враги бога.

⁴⁹ Нельзя, разумеется, исключать и возможность того, что какие-то из подобных словосочетаний-штампов могли появиться как результат «олитературивающей» деятельности кого-либо из книжников, трудившихся над летописью.

⁵⁰ Наши сведения о грамотности горожан русских средневековых городов расширяются с каждым годом.

именно из подобных книжных словосочетаний-штампов (*врагъ, время, глава* — в значении 'жизнь', *страна* — в значении 'земля' и т. п.).

И последнее, что привлекает внимание при анализе неполногласной лексики в составе летописных «речей». В «речах» представителей «нерусского» народа—греков и, что особенно интересно, хазар и половцев — представлены почти исключительно слова с неполногласными сочетаниями в корнях. Конечно, соответствующие «речи» очень малочисленны, а круг неполногласных слов в них чрезвычайно узок (в основном это формы от слова *градъ*), однако сам факт отсутствия в них полногласных слов уже представляет определенный интерес⁵¹ (см.: «речи», отмечаемые под годами 862, 907, 971, 980, 1103 и т. д.). Также отсутствуют полногласные слова и в «речах» русских (Святослава, Владимира, воеводы-Прѣтicha), обращенных к грекам, печенегам, половцам (968, 971, 980, 988, 1103 гг.).

Не подлежит сомнению, что в ряде случаев отсутствие полногласных слов в речах «чужих» и в речах, к ним обращенных, определяется общим ключом, в котором выдержан соответствующий текст, т. е. общим предпочтением, отдаваемым в данном тексте неполногласным словам над полногласными (862, 907 гг.). Тем не менее мы все же считаем необходимым привлечь внимание к тому, что в речах «чужих» отмечается только неполногласное слово-вариант *градъ*, в то время как в речах «своих» были одинаково возможны *градъ* и *городъ*.

Фиксация в «речах» представителей «чужих» народов только неполногласного слова-варианта *градъ*⁵² корреспондируется в какой-то мере с традицией употреблять и в речи от автора (при наличии в памятнике сравнительно свободного выбора в употреблении слов-вариантов *градъ—городъ*) при названиях своих русских городов полногласное слово *городъ* наряду с неполногласным *градъ*, а при названиях чужих городов — только неполногласное слово *градъ*. Показательны, конечно, в данном случае не столько примеры употребления неполногласного слова-варианта *градъ* при именах собственных в различного рода реминисценциях (Иерусалим, Вифлеем, Гомора, Никея и т. п.), в которых они обусловлены в первую

⁵¹ В речах «чужих» нами было отмечено только два полногласных слова — *паволокам* и *стороною*, предполагающие, видимо, свои частные объяснения: неполногласное слово-вариант *павлака* в памятниках светской письменности XI—XIV вв. вообще не представлено; наличие полногласного слова *стороною* вызвано, вероятнее всего, причинами семантического порядка: рѣша старци Козарьстни... мы съ донскахомъ оружьемъ одную стороною рекоша савламин, а снхъ оружье обонду остро. рекше мечь. си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ страна(х) Введение. И, наконец, в речи греческого царя отмечается упомянутое выше *переклюкала* с подписанной поверх строки (видимо, позже) первой буквой *e*.

⁵² В Ипатьевском списке отмечаются оба слова-варианта.

очередь общим характером повествования, сколько те примеры, когда неполногласное слово *градъ* употребляется при названиях чужих городов в собственно летописном повествовании. Ср.: в свое имя нарече андрианъ мы же зовемъ ондрѣанемъ градомъ 915, градъ ихъ вѣлаю кежу (хазарская крепость. — Т. К.) взъ 956; поидоша ко граду шаруканю 1111, и взяша три грады сугровъ, шаруканъ, балинъ 1116 и т. д.

Другие оригинальные памятники XI—XIV вв. хотя и предполагают несравнимо меньшим количеством примеров, тем не менее указанной соотносительности как правило не нарушают⁵³. Видимо, в этой соотносительности кроется причина того, что в Флав. Иуд. при вообще достаточно широком употреблении полногласных слов⁵⁴, и даже в том числе слов с начальным *пере-*, русское полногласное слово *городъ* (ведь речь идет все время о «чужих» городах) представлено всего четырьмя примерами, из которых два в свою очередь убедительно подтверждают наличие упомянутой традиции — употреблять при названиях «чужих» городов только неполногласное слово-вариант. Ср.: пощю бѣжаста из города и до свѣта прибѣгоша к граду, нарицаемому Камень 511 об., но Давидъ цесарь отнемъ от иноплѣмники город нарече градъ Иерусалимъ 707.

В Хр. Г. Ам., тоже не чуждой употреблению полногласных слов⁵⁵, полногласное слово-вариант *городъ* вообще не представлено, за исключением двух, также знаменательных, с нашей точки зрения, примеров: в западныя страны посланъ, в кампаніи и амафи и в неаполи рекше новъ горо(д). толма варваромъ воевавши(м) 3296 и и вше(д) в силибрию, и в лодіи прише(д) даже и до кругло(г) городца 3376 (*καστέλλου*). Т. е. книжник, строго употреблявший по отношению к «чужим» городам слово-вариант *градъ*, встретившись с названиями привычными (омонимичными), по отношению к своим русским городам не удержался от употребления русских полногласных слов.

В П. в. л. подобная соотносительность проявляется весьма последовательно⁵⁶. В Ип., при общем преобладании в ней пол-

⁵³ В Хожд. Д. употребление слов *градъ*, *городъ*, *городокъ* ощутимо обусловлено значительностью для священной истории или же просто величиной описываемого города (поселка, укрепления и т. п.).

⁵⁴ Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 90—93.

⁵⁵ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 275—278.

⁵⁶ Нарушает эту соотносительность только имя собственное *Царьгородъ*, представленное в П. в. л. 10 раз (*Царьградъ* отмечен 15 раз). Следует подчеркнуть, что почти половина всех примеров написания *Царьгородъ* приходится на Введение, что же касается остальных примеров; то в текстах П. в. л. они или приходятся на описание Вселенских соборов и Испытание вер (т. е. тексты, в которых труднее всего было бы ожидать полногласные слова), или отмечаются в составе варьированных наименований типа: яко русь на царьгородъ идетъ. . . и къ двюю сотъ корабл(ь)

ногласных слов, нами отмечено всего три примера, нарушающие подобную традицию, причем один из них хотя и нарушает общую тенденцию употреблять при чужих именах собственных неполногласное слово-вариант *градъ*: *мѣстиславѣ володимировичѣ ходи на чюдъ с новгородчи и со псковичи и вза городъ ихъ именем медвѣжа глава 1115*, — тем не менее огласовкой имени собственного в свою очередь подтверждает тот же факт соотнесенности представления о «чужом» именно с неполногласными словами-вариантами: *Медвѣжа Глава* (а не *голова*) — название эстонской крепости Оденпе⁵⁷ (*pea* — голова).

Некоторое соответствие подобным отношениям имеем и в употреблении слов *страна—сторона* в значении 'земля, территория'. Неполногласное слово *страна* в равной степени оказывалось возможным и по отношению к земле своей, и к земле чужой (причем подобные отношения также характеризуют не только П. в. л., но и другие оригинальные произведения XI—XIV вв., содержащие то или иное количество полногласных слов).

Таким образом, у нас есть, видимо, основание утверждать, что если неполногласное слово-вариант было в равной степени соотносимо с представлениями как о «своем», так и «чужом» городе, стране, народе, языке и т. п., т. е. было и в данном случае словом немаркированным, то полногласное слово-вариант было соотносимо в первую очередь с представлением о «своем», русском, городе, стране (*сторона* в значении 'народ, язык' не зафиксировано). Возможно, следовательно, предположить, что обычная функционально-стилистическая маркированность неполногласных и полногласных слов-вариантов могла в памятниках XI—XIV вв. осложняться выражением дополнительного оттенка противопоставления «свой—чужой».

Наблюдения над прямой речью, включенной в летописное повествование,

1) позволяют на примере конкретного языкового факта — употребления полногласных и неполногласных слов — убедиться в наличии явных следов языковой дифференциации в воспроизводимых в Повести временных лет «речах» представителей различных культурных слоев населения;

2) убеждают в том, что уже в XI—XII вв. некоторые неполногласные слова и словосочетания-штампы были ассимилированы живой речью;

3) позволяют внести известную градацию в степень маркированности применительно к книжному повествованию для не-

⁵⁷ Цръградъ оступниша 866, за малом еѣ не дошелъ цръграда. . . да изнова изъ рѹси совокупивше кон множанши поидемъ цръгороду 971, — причем полногласное слово отмечается в составе прямой речи. В Радзивиловском списке и списке Московской духовной академии в подобных примерах последовательно фиксируется *Царьградъ*.

⁵⁷ Д. С. Л и х а ч е в. Повесть временных лет, т. II, стр. 483.

которых полногласных слов-вариантов: можно полагать, что маркированность таких слов, как *городъ*, *голова*, *золото*, *полонъ*, *сторона* (в значении 'бок, край') и, может быть, некоторых других, была не особенно резкой, и наоборот, маркированность слов с начальным *пере-* воспринималась особенно остро.

Следуя за литературоведами-медиевистами, настойчиво проводящими мысль о фактографическом характере летописных «речей», мы можем принять, что отмечаемая дифференциация в употреблении полногласных и неполногласных слов в «речах» представителей различных культурных слоев отражала в какой-то мере различие между городским койне и культурным диалектом соответствующего времени.